

Российская политическая элита и американский опыт

Автор: В. В. СОГРИН

"Работая над великой общенациональной программой, которая призвана дать первостепенные блага широкому массам, мы действительно наступали кое-кому на "больные мозоли" и будем наступать на них впредь. Но это "мозоли" тех, кто старается достичь высокого положения или богатства, а может быть, того и другого вместе, коротким путем - за счет общего блага". Хорошие слова, жалко только, что не я их придумал - Франклин Делано Рузвельт, президент Соединенных Штатов Америки, 1934 год" [Послание... 2006]. В этом пассаже В. Путина, прозвучавшем 10 мая 2006 г. в его ежегодном программном обращении к Федеральному собранию, слышится отчетливый антиолигархический мотив, активно использовавшийся им после прихода к власти в 2000 г. Он звучал достаточно привычно. Непривычным было то, что антиолигархическая филиппика была почерпнута из идейного наследия американского президента 30 - 40-х гг. прошлого века Ф. Рузвельта. Было ли это случайностью? Почему спичрайтеры российского президента потратили усилия на поиск антиолигархического пассажа в бесчисленных речах президента США, а не какого-то иного, более близкого российской политической культуре авторитетного зарубежного политика?

Последующие события показали, что апелляция к Рузвельту была отнюдь не случайной. В начале 2007 г. идеологическое окружение российского президента провело громкую пропагандистскую акцию по установлению идеологического родства между Рузвельтом и Путиным, в ходе которой российский президент предстал нашим "собственным Рузвельтом". Речь идет о конференции, организованной в феврале 2007 г. в Москве по случаю 125-летия со дня рождения американского президента (к слову, в самих Соединенных Штатах эта дата осталась незамеченной). На конференции выступали и политики, и ученые, но первые были гораздо многочисленнее и заметнее. Самым влиятельным среди них оказался В. Сурков - заместитель главы президентской администрации, известный как главный идеолог Кремля периода президентства Путина. "Если в XX веке, - заявил он, - Рузвельт был нашим военным союзником, то в XXI веке он стал нашим идеологическим союзником" [Рузвельт... 2007].

Характеризуя Рузвельта, провозглашенного идеологическим союзником современной России, Сурков особо выделил следующие его качества: "На мой взгляд, Рузвельт стал олицетворением высшей власти народа, власти, неотчуждаемой большими деньгами и большими начальниками, он сам был властью, которая стремилась к свободе для всех, поощряя активных и защищая слабых". Сурков не преминул прозрачно намекнуть

___ *С о г р и н Владимир Викторович - доктор исторических наук, профессор Московского государственного института международных отношений (У) МИД РФ, главный редактор журнала "Общественные науки и современность".*

на связь пропагандируемой им самим идеи "суверенной демократии" с убеждениями того же Рузвельта. "Личная свобода и суверенитет были для Рузвельта взаимосвязаны", - объяснял Сурков аудитории, в которой абсолютно преобладали активисты молодежного движения "Наши". Ни Сурков, ни другие ораторы не скрывали, что видят в российском президенте Путине реинкарнацию Рузвельта. "Не будем скрывать, что сегодня, говоря о Рузвельте, мы имеем в виду Путина", - декларировал известный кремлевский политтехнолог Г. Павловский (Российская газета. 9 февраля 2007).

Никто из выступавших не усомнился в том, что Путин как идейный союзник Рузвельта использует его опыт в России. Но так ли это? Мое критическое отношение к конференции стало побудительным мотивом для написания данной статьи. Но работая над ней, я задумался о более широких проблемах. Одна из них состоит в осмыслении реального значения апелляций российской политической элиты (не только сегодняшней, но и ее предшественников) к американскому опыту. Другая заключается в очевидной антиномии отношения российской политической элиты к Соединенным Штатам: с одной стороны, она апеллирует к многочисленным примерам из американского опыта как к образцам для подражания, с другой - активно и целенаправленно насаждает в массах антиамериканизм, лепит из Соединенных Штатов образ врага. Как все это согласуется?

Россия и Соединенные Штаты давно проявляют интерес друг к другу. Посвященные в историю их отношений знают, что эти страны время от времени враждовали, подчас долго, но на протяжении большей части истории (правда, это относится к досоветской России) оставались в добрых отношениях. Более сложным было восприятие ими друг друга. Для оценки понимания американцами России, а русскими - Америки характерен ряд серьезных отличий, среди которых выделю одно принципиально важное. Американцы в подавляющем большинстве относились к России критически, видели в ней деспотическую или авторитарную страну, позаимствовать у которой практически нечего. Отношение же русских к Америке было всегда в высшей степени амбивалентно. Можно вспомнить немало российских интеллектуалов досоветской эпохи (самые громкие - А. Пушкин, В. Белинский, Д. Менделеев, естественно, все славянофилы), которые видели в Америке воплощение голого материального расчета и бездуховности [Курилла, 2005, с. 390; Куропятник, 1981, с. 45, 187]. Вместе с тем многие восхищались общественно-политическим устройством Соединенных Штатов, предлагали ему подражать. Среди них, в частности, русские западники, начиная с декабристов.

Но не только лидеры либеральной оппозиции видели в США образцы для подражания. Американскими общественно-политическими институтами восхищались и некоторые российские государственные деятели. Конечно, делать это открыто в православно-монархическом государстве было затруднительно, свои симпатии они выражали иначе. Так, А. Никитенко - высокопоставленный российский чиновник середины XIX в., просвещенный государственный деятель, действительный член императорской Академии наук - в своих дневниках, мягко говоря, весьма нелицеприятно отзывался о режимах Александра I, Николая I и даже Александра II, а образцовое общественно-политическое устройство видел в США: "В Северной Америке всеобщее равенство, всеобщая свобода; но законодательствуют, управляют и руководят всем *лучшие*, то есть люди, наделенные высшими способностями и умевшие развить их, поставить на высоту общих возвышенных видов и задач. Дровосек Линкольн, портной Джонсон (Э. Джонсон стал президентом США после гибели А. Линкольна. - В. С.), наборщик Франклин вышли из народа и на этом только основании принадлежали к массе, по дарованиям же своим и развитию они стояли неизмеримо выше ее. Дело в том, что там, то есть в Америке, всякому открыты пути быть и делаться тем, чем он может" [Никитенко, 2005, т. 3, с. 238].

Сколько в российской политической элите было людей, воспринимавших США подобно Никитенко, историкам предстоит еще выяснить, но очевидно, что они были. Как очевидно и то, что людей, считавших образцовым американский опыт, оказалось гораздо больше в рядах политической оппозиции. Ситуация резко поменялась в советский период. Оппозицию в СССР ликвидировали, а правящая элита сформировала из США образ соперника, переросший после Второй мировой войны в образ главного врага.

Представители советской политической элиты, симпатизировавшие общественно-политическому устройству США (это предположение носит гипотетический характер, поскольку реальное существование таких персон мне неизвестно), не могли доверить свои чувства даже личным дневникам. И тем не менее отношение советской элиты к США было двойственным. Ее представители, осуждая "реакционный" общественно-политический строй США, признавали вместе с тем передовой характер американской экономики, достижения которой вполне могли быть позаимствованы "самым прогрессивным в мире советским общественно-политическим строем".

Подобная амбивалентность в восприятии американских реалий порождала анекдотические суждения о США. Одно из них - знаменитый риторический вопрос главного советского политического обозревателя и "знатока" США брежневской эпохи В. Зорина: "Хороши американские дороги, но куда они ведут?". Еще лучше известно неоднозначное отношение к США Н. Хрущева. С одной стороны, он поставил исторической сверхзадачей "похоронить Америку", а с другой - выдвинул в качестве основополагающей цели своего правления "догнать и перегнать Америку". Открыто указать "взрывоопасному" вождю на очевидное противоречие никто не осмеливался, но авторы анекдотов "армянского радио" на это решились: "Если Америка катится в пропасть, зачем мы ее догоняем?".

"Догнать и перегнать Америку" экономически - по сути, *Великая Советская Мечта*. Она была сформулирована еще И. Сталиным, пестовалась Н. Хрущевым, была унаследована последним Генеральным секретарем и последним советским мечтателем М. Горбачевым. Но при Горбачеве происходит и радикальная трансформация отношения отечественной политической элиты к США и их опыту.

Горбачев на первом этапе своих реформ ставил целью "догнать и перегнать Америку" на основе социалистической модернизации. Это стало бы, по его мысли, доказательством того, что общественная собственность, руководящая роль КПСС и пролетарское государство способны обеспечить более успешное развитие общества, нежели частная собственность, буржуазная многопартийность и капиталистическое государство. Но все его командно-административные экономические и политические реформы с треском провалились, и уже в 1987 г. реформаторская стратегия была изменена, а новая ставка сделана на соединение социализма с рынком и демократией. В глазах некоторых то была попытка привить социализму западные ценности, но Горбачев и его идеологи пытались доказывать, что такие ценности присущи истинному социализму, который наконец-то и будет установлен в СССР. Эти идеологические манипуляции породили фантастические умозаключения о западных странах, в которых рынок и демократия существовали веками. Некоторые советские духовные гуру, среди них Ч. Айтматов, объявили развитые западные страны, сначала Швецию, затем Францию и Германию, наконец, США... воплощением подлинного социализма.

Это было абсурдом, призванным спасти социалистическую идею, но одним из его следствий стало изменение восприятия советской элитой западных, в том числе американских, ценностей. Достаточно быстро Горбачев и его идеологические советники нашли выход из затруднений, связанных с классовой идентификацией рынка и демократии. Эти институты были зачислены в разряд внеклассовых *общечеловеческих ценностей*. Выдвижение Горбачевым этой концепции означало признание стран, где наличествовали рынок, демократия, права человека, гражданское общество, идейными побратимами СССР. Так США из врага номер один превратились в друга советской политической элиты. Сам Горбачев впервые открыто сказал об этом в июне 1990 г. во время визита в США, заявив, что СССР и США это "одна цивилизация" и он окончательно принимает идею конвергенции социализма и капитализма (Правда. 3 июня 1990).

Подобный идеологический поворот Горбачева пришелся по душе не всем представителям советской партийной элиты. Партийные консерваторы приклеили Горбачеву, как и его сторонникам (в первую очередь А. Яковлеву), ярлык "американских агентов". Но среди советской политической элиты появились и те, кто считали идейные компромиссы Горбачева с США уже недостаточными, требовали не конвергенции социализ-

ма и капитализма, а полного отказа от социализма и принятия западной модели в чистом виде. И именно эти политики, лидером которых с 1990 г. стал Б. Ельцин, завоевывали нарастающую поддержку в массах. В 1991 г., открыто выступив против коммунизма и социализма, вооружившись западными, а следовательно, и американскими ценностями, Ельцин и его команда одержали победу на президентских выборах в России, молниеносно и легко подавили августовский реставрационный путч. В России свершилась прозападная либерально-демократическая революция.

Здесь нет возможности и необходимости подробно рассматривать трансформацию российского общественного сознания и ценностных установок российской политической элиты, завершившейся идейно-политической революцией на рубеже 80 - 90-х гг. XX в. Это сделано мною в монографических работах [Согрин, 1994; 2001]. Ограничусь повторением принципиально важного вывода: восприятие Россией западных ценностей носило добровольный характер, а не было следствием происков Запада и диверсий американских спецслужб, как полагают отечественные коммунисты и национал-патриоты. Укажу также на главные причины этого идейно-политического феномена. Одна из них заключалась в том, что к концу 1980-х гг. народные массы, по крайней мере, их политически активная часть, совершенно разуверились в возможности успешной модернизации СССР на социалистической основе (горбачевская перестройка в варианте хоть командно-административного, хоть рыночно-демократического социализма ухудшала экономическое положение страны) и восприняли в качестве реальной альтернативы прогрессивного развития либерально-демократическую западную модель. Согласно данным Всесоюзного центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в 1990 г. 96% опрошенных делали выбор в пользу общественной модели, восторжествовавшей в той или иной либерально-капиталистической стране (наибольшее число - 32% - признали наилучшей моделью США), и только 4% предпочитали китайскую модель [Экономические... 1993, с. 14]. Кроме того, тенденцию усиления антикоммунистических настроений в СССР поддерживали процессы, разворачивавшиеся в восточноевропейских странах. В 1989 - 1990 гг. там восторжествовали "бархатные" антикоммунистические революции, присягнувшие либерально-демократическим идеалам. Выбор и победа восточноевропейских народов стали мощным катализатором подобного энтузиазма в России. Принципиальное значение имело и то, что горбачевские политические реформы создали благоприятные возможности для демократического волеизъявления избирателей. Коммунистический административный ресурс, по сути, оказался парализован, фактически на несколько лет восторжествовал самый демократический политический режим за всю отечественную историю, и граждане при помощи избирательных бюллетеней осуществили мирную революцию.

Вместе с тем степень осознанности общественно-исторического выбора россиян не стоит переоценивать. Последовавшие вскоре после 1991 г. резкие перемены в умонастроениях людей, возврат все большего их числа к социалистическим или эгалитарным настроениям, очевидное разочарование по отношению к странам Запада доказывают, что "проникновение" в либерально-демократические идеалы в 1989 - 1991 гг. было не большим, чем увлечение россиян идеалами социализма в 1917 г. Но со стороны, по крайней мере, активных рядовых участников нашей "бархатной революции" 1989-1991 гг. это была отнюдь не "идеологическая паника", как доказывал известный философ А. Зиновьев [Зиновьев, 1995, с. 93], а подлинный энтузиазм, пусть и наивно-утопическая, но искренняя вера в возможность создания в кратчайший срок в России либерально-демократического общества западной модели.

Либерально-демократические идеалы активно пестовались в те годы российской политической оппозицией, но и сама оппозиция осваивала эти идеалы под воздействием нараставшего на них спроса на отечественном политическом рынке. Грамотный учет политических умонастроений избирателей свидетельствовал: переход из оппозиции во властную элиту был возможен только на платформе антикоммунистических либерально-демократических идей. В 1990 г., после отмены шестой статьи Конституции СССР и легализации деятельности политической оппозиции, подавляющее большинство новых

политических партий оформилось как антикоммунистические. При этом в идеологическом выборе ряда из них присутствовал "американский акцент". Две новые партии взяли названия, совпавшие с названиями двух главных политических партий США. Одна из них - Республиканская партия, созданная недавними членами правореформистской фракции в КПСС, объявила себя сторонницей чистого либерализма без социалистических примесей. Другая, гораздо более влиятельная Демократическая партия России, открыто декларировала приверженность американским ценностям. Ее лидер, недавний член ЦК КПСС Н. Травкин, объявил, что из двух моделей капитализма - шведской и американской - отдает предпочтение американской. В американском опыте его особенно привлекала рейганомика [Согрин, 1994, с. 67].

Новая российская политическая элита, сформировавшаяся в результате успешной антикоммунистической революции, распада СССР и возникновения в 1991 г. суверенного российского государства, действовала под либерально-демократическим знаменем и рассматривала лидера западной цивилизации - США - как своего идейного и политического союзника. Первый Президент России Б. Ельцин неоднократно заявлял, что Россия и США исповедуют одни и те же ценности, российские политики рассматривали американские образцы как пример для подражания [Богатуров, 2007, с. 55 - 58]. Российская Конституция 1993 г. составлялась с учетом опыта разных либерально-демократических стран, но американское влияние оказалось наибольшим. Модель президентской республики, процедура импичмента главы государства в случае злоупотребления им властью, ограничение пребывания в должности президента двумя сроками, механизм "сдержек и противовесов" во взаимоотношениях ветвей власти, способы утверждения в должности высших чиновников, другие ее важнейшие компоненты - калька с Основного закона США (они присутствуют в конституциях и других либерально-демократических государствах, но их первоисточником была все та же Конституция США).

Конец 1980-х - начало 1990-х гг. стали первым и единственным на сегодняшний день периодом торжества чисто позитивного, лишеного амбивалентности отношения российского политического истеблишмента и ведущих российских массмедиа к Соединенным Штатам, их опыту и идеалам. При этом главными американскими выразителями либерально-демократических ценностей и идеалов для российской общественности были уже не идеологи типа Дж. К. Гэлбрейта с их концепцией конвергенции социализма и капитализма, а такие защитники "чистого" капитализма, как М. Фридман. Российский книжный рынок наполнился книгами Д. Бурстина, Г. Киссинджера, других адептов стопроцентного американизма, которых, так же как и Фридмана, в самих США относили не к либералам, а к консерваторам. Америка быстро стала не только идейным, но и политическим союзником России. Во главе российского Министерства иностранных дел был поставлен А. Козырев, которого впоследствии за его готовность во всем следовать за американским партнером назовут "Мистер Да" (в отличие от его самого знаменитого советского предшественника А. Громыко, вошедшего в историю советско-американских отношений как "Мистер Нет"). Американец Дж. Сакс был приглашен в качестве ведущего советника по проблемам экономических реформ в российское правительство. Особая роль США в российских экономических и политических преобразованиях закреплялась провозглашенным правительством У. Клинтона в 1993 г. курсом на "стратегическое партнерство с российскими реформами" [Печатнов, 2006, с. 33].

Насколько непритворным было это идейно-политическое "братание" России и США? Представляется, что российский и американский истеблишмент оказались в "объятьях" друг друга вполне искренне, хотя в этом - что для политики естественно - был и свой расчет. Однако достаточно быстро выяснилось, что американский и российский истеблишмент понимают цели "братания" по-разному. Также через полтора-два года после достижения "сердечного согласия" между обеими странами в России в силу как внутренних перипетий, так и внешнеполитических коллизий отчетливо проявилось разочарование в либерально-демократических идеалах, которое незамедлительно распространилось на их главного выразителя. США со своей стороны разочаровались и в "диком" российском варианте реализации западных ценностей, и в нежелании России

воспринять Соединенные Штаты в роли лидера мировой демократической революции, а на практике - гегемона нового мирового порядка.

Уже первый период президентства Ельцина был отмечен возникновением и нарастанием массового разочарования в идейно-политическом заокеанском партнере. Напомню: если в 1990 г. США с рейтингом в 32% стали лидером среди любимых россиянами зарубежных стран, то уже в 1991 г. их рейтинг опустился до 25%, а в 1992 г. - до 13%. Правда, рейтинги других "любимцев" россиян также понизились: Япония, вторая по популярности, в 1992 г. имела 12% - гораздо ниже, чем в предшествующие годы [Экономические... 1993, с. 14]. В последующем антипатия россиян к Америке только усиливалась, и она из списка самых любимых стран переместилась в лидеры среди "постылых". Из разнообразных причин этого явления на первом месте оставалось разочарование россиян в результатах радикальных рыночных реформ, распространившееся на западную цивилизацию и особенно ее предводителя - США, открыто покровительствовавших Ельцину и его преобразованиям. Вместо обещанного народного капитализма в России в течение нескольких лет возник и оформился номенклатурно-олигархический капитализм с острыми социальными контрастами и массовой нищетой. Защитники либеральной демократии (партия Яблоко, некоторые другие), обвинившие Ельцина и его режим в перерождении, не смогли эффективно противостоять негативным следствиям российского варианта смены социализма капитализмом, и виновником "дикости" российского западнического эксперимента в массовом сознании предстали не "отступники" от либеральной демократии, а она сама.

Даже среди недавних убежденных российских демократов и антикоммунистов многие отказались от прежней позиции, стали потворствовать новой массовой фобии, обнаружив готовность возложить ответственность за неожиданные перипетии реформ на Соединенные Штаты. Яркий пример - один из глашатаев антикоммунистической революции, известный спортсмен и писатель Ю. Власов. Провозгласивший в 1989 г. в своей радикальной речи на I Съезде народных депутатов СССР, что главный источник отечественных бед - всевластие КГБ (за что был подвергнут преследованиям со стороны спецслужб), в 1993 г. он усмотрел главное зло для Отечества уже в Соединенных Штатах Америки: "Хотим мы этого или не хотим, однако США вырисовываются уже первым врагом нашей государственности. На этом свободолюбивом сообществе муки и кровь России, распад, почти гибель России. США развалили Россию, дав врагам возможность пожирать ее живьем. Анализ дает четкую картину организованного геноцида русского народа. Он осуществляется лжедемократами, отечественными капиталистами, которые ради своего богатства зарывают своих же русских в землю" [Власов, 1993]. При этом Власов не привел ни одного конкретного доказательства, которое подтверждало бы обвинения в адрес США.

В меняющейся политической ситуации Ельцин и политический истеблишмент в целом пытались сохранять верность своему идейно-политическому выбору, но и игнорировать перемены в массовом сознании были не в состоянии. Кроме того, появился и укреплялся соблазн перенести недовольство масс своим положением полностью на западного партнера, сняв или хотя бы снизив собственную ответственность за "дикий" отечественный капитализм. Так в российской элите восстанавливается амбивалентное отношение к Соединенным Штатам, которое, впрочем, отличалось от присущего советской политической элите. Российская элита не была готова отрестить от либерально-демократических ценностей и идейного союза с западной цивилизацией, но претендуя на суверенную нишу в ней, усилила пикировку с Соединенными Штатами, обнаружившими непонимание и неприятие ее позиции и интересов.

В период президентства Путина амбивалентность в отношении российской политической элиты к США проявилась наиболее полно. На протяжении всего периода пребывания на президентском посту Путин неизменно и твердо заявлял о приверженности принципам демократии, желании модернизировать Россию в соответствии с европейскими стандартами, сохранить либерально-демократические нововведения предшествующего периода. Адепты президента и его курса так же решительно настаивали на том, что де-

мократические завоевания конца 1980-х - начала 1990-х гг. сохраняются в полной мере. Вот категорическое утверждение одного из них, В. Никонова: "Стратегия Путина не авторитаризм и не анархия, а функционирующая эффективная демократия при неизменной российской Конституции" [Никонов, 2004]. В рамках и в контексте подобного позиционирования российского президента объявление Путина единомышленником и продолжателем демократического курса знаменитого американского президента Рузвельта не заключало в себе какого-либо противоречия. Идеино-политическое отождествление Путина и Рузвельта, предпринятое идеологическим окружением российского президента, призвано было вместе с тем еще больше укрепить демократическое реноме Путина, ибо Рузвельт среди американских президентов выделялся особым демократизмом, действительно выражал общенародный и общенациональный интерес, подчинив ему бизнес-элиту.

На мой взгляд, идеологи Путина, поставив его на один демократический уровень с Рузвельтом, совершили явный пропагандистский перекося, ибо объективное сравнение двух президентов обнаруживает у них гораздо больше серьезных и принципиальных различий, а сходство, если оно и есть, носит, по сути, внешний характер. При объективном сравнении с Рузвельтом Путин скорее проигрывает, ибо обнаруживается его отход от либерально-демократических принципов и плохая совместимость с ними российской "суверенной демократии".

Рассмотрю этот вопрос подробнее, начав с основных итогов преобразований Рузвельта, вошедших в историю как Новый курс. Рузвельт был избран на президентский пост в 1932 г. в разгар самого жестокого за всю американскую историю экономического кризиса. Он поставил целью вывести из него страну и по истечении восьми лет добился успеха. В 1940 г. в условиях начавшейся Второй мировой войны он, вопреки американской традиции, по причине политической целесообразности был избран на президентскую должность в третий раз, в 1944 г. - в четвертый и оставался на посту президента до своей смерти в 1945 г. Его демократическое наследие включало участие в разгроме фашистской коалиции, но я оставляю этот вопрос без рассмотрения, сосредоточившись на изменениях, внесенных его реформами в американское общество.

Главной причиной экономического кризиса Рузвельт считал разрыв между возросшей экономической мощью американской нации и сохранившимся без изменений способом распределения национального богатства, что и породило кризис перепроизводства. Он провел серию реформ, направленных на расширение покупательной способности среднего и нижнего классов. Рузвельт также неизменно считал необходимым согласовывать интересы бизнеса с общенациональными, в связи с чем предпринимал меры, направленные на развитие, как сказали бы сегодня, социальной ответственности бизнеса. Рузвельт полагал, что в демократической стране поставленные им цели могут быть достигнуты только с помощью расширения политической роли народа, поэтому направил усилия и на достижение этой цели.

Каковы были конкретные результаты, достигнутые Рузвельтом? Крупный бизнес с помощью разнообразных мер государственного регулирования и контроля стал согласовывать свои действия с национальными интересами, многие прежние злоупотребления на фондовом рынке, в банковской сфере, в целом в предпринимательстве были пресечены. Новая позиция государства вызвала сопротивление части бизнеса, в первую очередь крупного, и Рузвельт неоднократно вступал с ним в жесткую конфронтацию. Однако никакого отчуждения собственности от неугодных бизнесменов и ее перераспределения в пользу лояльных предпринимателей, а тем более государства, также не происходило. Лицо и действия американского бизнеса серьезно изменились, но в результате прививки ему обществом и государством социальной ответственности лично никто из представителей бизнеса не пострадал, а тем более не оказался в заключении или в эмиграции. Бизнес признал ответственность перед обществом, но не стал подданически лоялен правительству.

Были серьезно расширены социальные и экономические права и возможности народа. Серия реформ послужила созданию американского социального государства, обес-

печившего защиту людей в случае безработицы, наступления старости и т.д. Был принят закон о минимальном размере заработной платы. Профсоюзы получили широкие права по защите интересов трудящихся. Особенно примечателен закон Вагнера 1935 г. Он предоставил рабочим право на забастовку, коллективный договор с предпринимателями и закрепил за членами профсоюзов приоритет при найме на работу. Опершись на этот закон, рабочие развернули широкое наступление на предпринимателей, стали реальной силой рыночной экономики, выиграли за десять лет 80% забастовок. Средняя реальная заработная плата рабочих за десять лет выросла в два раза, многие из них вошли в американский средний класс или вплотную приблизились к нему.

В политическом отношении американское общество стало более плюралистичным, удельный вес среднего и нижнего классов в политическом процессе и системе увеличился, а удельный вес верхнего класса сократился. Созданная Рузвельтом коалиция Демократической партии, включившая рабочий класс, фермерство, большинство чернокожих американцев, часть бизнеса, поддержавшего Новый курс, может быть определена как широко демократическая. Президентство Рузвельта подтвердило, что деятельность американского государства и политической системы не является чем-то раз и навсегда данным, но определяется соотношением разных социальных сил, как и позицией политической элиты, и что те преимущества, которые дает для воздействия на политическую власть собственность и богатство, могут быть серьезно ослаблены противодействующими силами.

Действуя в экстремальных экономических и социальных условиях, сталкиваясь с угрозой резкого роста влияния правого и левого радикализма, Рузвельт ни разу не попытался ликвидировать или урезать хотя бы один демократический закон. Как и прежде, любое объединение, независимо от численности, могло зарегистрироваться в качестве политической партии и участвовать в любых выборах. Была сохранена выборность всех должностей, которые заполнялись на выборной основе прежде. В неприкосновенности сохранилось разделение властей, что, кстати, создавало для Рузвельта серьезные проблемы при проведении своих решений в жизнь. В Конгрессе США он наталкивался на сопротивление не только Республиканской партии, но и ряда представителей собственной Демократической партии. Рузвельт добивался принятия необходимых законов с помощью убедительных аргументов, политического искусства, но никогда не прибегал к угрозам или, тем более, силе. Только один раз он отступил от демократической традиции, согласившись в 1940 г. баллотироваться в президенты в третий раз. Но Конституцией или законом это тогда не запрещалось, Рузвельт под давлением политических обстоятельств поступил лишь негласной нормой американской политической культуры (подробнее о Новом курсе см. [Согрин, 2007]).

А теперь обратимся к деятельности российского президента в 2000 - 2008 гг. Отношения Путина с российскими миллиардерами внешне напоминают конфронтацию Рузвельта с американскими "жирными котами". Но только внешне. Путин, объявив целью удаление олигархов от власти, затем инициировал уголовное преследование некоторых из них. В Гусинскому, Б. Березовскому, М. Ходорковскому и ряду других были инкриминированы многочисленные преступления. Из трех самых известных обвиняемых двоим - Гусинскому и Березовскому удалось выехать за границу, а третий, Ходорковский, был осужден на длительный срок. Обвинения, выдвинутые против бизнесменов и касающиеся преимущественно незаконного присвоения собственности и налоговых преступлений, выглядели весьма внушительно, но, как отметили многие аналитики, точно такие же обвинения могли быть предъявлены практически всем крупным российским бизнесменам эпохи первоначального накопления капитала. Виновниками "дикой" приватизации, сделавшей их олигархами, были не только сами предприимчивые и беспринципные нувориши, но в первую очередь коррумпированная власть, за соответствующие взятки вступавшая в любой сговор по противозаконной приватизации государственной собственности.

Напрашивается обоснованный вывод: избирательное преследование нескольких крупных бизнесменов имело в действительности политический характер, было направ-

лено против тех, кто пытались организовать политическую оппозицию российскому президенту и его режиму. Также стало известно, что преследование неугодных олигархов, по форме выглядевшее как возвращение собственности государству, по сути имело следствием перераспределение собственности в пользу сторонников режима. Бизнесменов, вначале выразивших недовольство действиями власти, "взяли на испуг", и они заняли верноподданническую позицию. От антиолигархической кампании выиграла сама власть и приближенные к ней, количество миллиардеров в России не только не уменьшилось, но продолжало увеличиваться; пропасть между богатой верхушкой общества, которую пополнили новые "слуги народа", и самим народом по-прежнему углубляется. Ничего подобного в рузвельтовской Америке не происходило.

Количество социальных услуг, предоставляемых государством за счет налогоплательщиков нуждающимся в них социальным слоям, в период президентства Путина продолжало сокращаться и понижилось, как признал председатель Конституционного суда России В. Зорькин, до уровня первой половины 20-х гг. XX в. [Зорькин, 2007]. Рабочее движение, которое сыграло большую роль в ликвидации советского социалистического строя, погрузилось в состояние апатии, практически исчезло. Независимые профсоюзы зачахли, а официальные превратились в бессловесный придаток режима и отказались от какого-либо сопротивления и частному, и государственному капиталу. Трудящиеся оказались в полной зависимости от хозяев. Шахтеры, этот авангард рабочих в борьбе с КПСС в горбачевскую эпоху, теперь беспомощно и бессловесно взирают на регулярно повторяющуюся трагическую гибель в забоях сотен и сотен своих товарищей. Контрасты с реалиями рузвельтовской эпохи разительные.

В политической сфере российская власть последовательно сокращала демократические нормы и институты, утвердившиеся в 1990-е гг. Правда, сам Кремль и его идейные защитники, монополизировавшие каналы российского телевидения, доказывали, что демократия не только не ослабла, но даже усилилась. Не буду вступать с ними в дискуссию, ибо есть возможность отослать читателя к развернутым убедительным опровержениям софистики "кремлевской школы политологии", как определили ее известные российские ученые [Клямкин, Кутковец, 2006]. Приведу только некоторые конкретные примеры свертывания демократии.

Новый закон о политических партиях изгнал из политической жизни партии численностью до 50 тыс. человек. В результате было ликвидировано большинство партий, среди них Республиканская, Коммунистическая рабочая, Социал-демократическая, то есть представители всех политических спектров. Новые партии "снизу" прекратили создаваться вообще, зато "сверху", самим Кремлем были созданы две шумные "карманные" партии - левоцентристская Справедливая Россия и правоцентристская Гражданская сила. Политическая монополия сторонников Путина обрела мощный запас прочности. Народные выборы губернаторов заменили их фактическим назначением президентом России. Смешанная система избрания депутатов в Государственную думу уступила место выборам по партийным спискам, что еще больше усилило позиции прокремлевских партий. Эта позиция стала, по сути, монопольной после принятия закона, повысившего барьер для прохождения партий в Думу с 5 до 7%. Наконец, мощнейшим образом ударило по демократии утверждение фактической монополии Кремля в электронных средствах массовой информации. Ничего подобного в отношении институтов и норм демократии Рузвельт не предпринимал.

Как можно заключить, нет оснований для того, чтобы говорить о Рузвельте и Путине как об идейных союзниках. Полагаю, что и Рузвельт, будь он президентом США сегодня, не только возражал бы против зачисления его в идейные союзники Кремля, но и, напротив, подверг бы его жесткой критике. На мой взгляд, о восприятии рузвельтовского опыта современной Россией можно только мечтать, и если бы такой опыт был воспринят Кремлем не демагогически, а реально, это сослужило бы России хорошую службу.

Что касается отношения России к внешней политике США, то контрасты в этой области были унаследованы Путиным от периода президентства Ельцина. Причем на протяжении первых лет пребывания Путина на президентском посту ситуация менялась в

позитивную сторону. 11 сентября 2001 г. после мощной атаки сил международного терроризма против США российский президент позвонил президенту Дж. Бушу, выразив сочувствие и твердую поддержку американскому народу. После этого начался краткий период тесного сотрудничества США и России в борьбе с международным терроризмом, объявленным врагом номер один во внешнеполитических доктринах обоих государств. Россия поддержала военные операции США против талибского режима в Афганистане. США сменили гнев на милость в отношении военных операций России против чеченских сепаратистов, которые, как выяснилось, были тесно связаны с силами международного терроризма.

Но в 2003 г. в отношениях двух стран наступило охлаждение. Весной 2003 г., когда США вторглись в Ирак с целью свержения режима Саддама Хусейна, который рассматривался в качестве одной из главных действующих сил радикально исламского терроризма, многие россияне резко осудили Соединенные Штаты. Что касается российского президента, то он, с одной стороны, заявил, что Россия ни по экономическим, ни по политическим соображениям не заинтересована в поражении США, но с другой - отказался одобрить такие действия. США расценили это как отказ от продолжения совместных усилий в борьбе с международным терроризмом. Окончательно поворот к охлаждению отношений России и США обозначился в 2004 г., после вторичного избрания Путина Президентом России. С того момента в его речах стала особенно заметна антиамериканская риторика, и антиамериканизм стал чуть ли не лейтмотивом внешнеполитической пропаганды в российских средствах массовой информации.

Чем объяснить новейший виток антиамериканизма в России, который не уступает антиамериканизму советского периода, а в чем-то его и превосходит? Согласно разъяснениям российской политической элиты, виновником охлаждения отношений с Соединенными Штатами, как и с Западом в целом, являются западные страны, усилившие нападки на Россию, поскольку она, благодаря экономическим успехам путинского периода, "встала с колен", вновь обрела силы и теперь с ней приходится считаться. Также указывается, что для России неприемлемы как притязания США на мировое господство, односторонние действия по наведению мирового порядка, так и их желание распространить свои демократические образцы по всему миру. Приводятся и некоторые другие аргументы, призванные доказать, что на США лежит односторонняя ответственность за ухудшение отношений с Россией, из чего можно заключить, что антиамериканизм россиян справедлив, объективен и праведен.

В этих аргументах, ставших прочными пропагандистскими стереотипами для российской политической элиты и подвластных ей средств массовой информации (практически все электронные плюс 95% печатных), есть доля правды. США действительно пытаются единолично решать мировые проблемы, ведут себя как мировой гегемон, хотя полномочий на это не имеют. Вместе с тем российская политическая элита отказывается признать собственную ответственность за ухудшение российско-американских отношений и превращение антиамериканизма в массовое умонастроение и в один из главных пропагандистских стереотипов российских СМИ.

Официальные российские политобозреватели и "кремлевская школа политологии" замалчивают или игнорируют тот очевидный факт, что американская, как и в целом западная, критика российского руководства и президента резко усилилась в 2004 г., когда избранный вторично на пост президента Путин без промедления провел указанные выше контрреформы по ограничению демократии. Для Запада это стало важной причиной развернутой и непрекращающейся критики российского руководства. Некоторые представители отечественного истеблишмента попытались критиковать западную "заикленность" на ситуации с российской демократией с помощью того аргумента, что последняя находится на младенческом этапе и судить ее по меркам зрелой западной демократии некорректно. Но Запад на этот аргумент никак не реагирует, и, полагаю, для этого есть основания. Ведь Россия включена в восьмерку развитых стран мира и, очевидно, должна соответствовать ее стандартам.

В полемике с Западом и, в первую очередь, с Соединенными Штатами российское руководство и СМИ все чаще и чаще воспроизводят аргументацию, характерную для со-

ветской эпохи, доказывая, что "суверенная" демократия гораздо лучше западной. Летом 2007 г., отвечая корреспонденту германской газеты "Шпигель" на ироничный вопрос, считает ли российский президент себя "демократом чистой воды", как назвал его однажды Г. Шредер, В. Путин жестко высказался по отношению к США: "Конечно, я абсолютный и чистый демократ. Но, вы знаете, в чем беда? Не беда, а трагедия настоящая. В том, что я такой один, других таких в мире просто нет. Посмотрим, что творится в Северной Америке - ужас один: пытки, бездомные, Гуантанамо, содержание под стражей без суда и следствия...".

Отказ российского руководства признать справедливый характер критики Западом антидемократических тенденций в своем внутривластном развитии, насаждение антиамериканских и антизападнических настроений создают серьезные препятствия для обеспечения нормальных возможностей прочного вхождения России в цивилизованное мировое сообщество. Впрочем, некоторые российские аналитики считают антиамериканизм и антизападничество современного российского руководства исключительно политтехнологическим инструментом, рассчитанным на мобилизацию поддержки масс своими действиями при помощи испытанного средства создания образа "внешнего врага". Реально же сворачивать политические, а главное, в высшей степени выгодные экономические связи с Западом оно явно не намерено. Действительно, с одной стороны, российский президент отвечает на американскую критику российского недемократизма по известному принципу "сам дурак", с другой - при встречах с американскими лидерами российские руководители ведут себя так, будто США - их самый близкий партнер. Это дает основание для умозаключения: антиамериканизм российского руководства - в первую очередь продукт, рассчитанный на внутреннее употребление, инструмент мобилизации масс в свою поддержку, поскольку иные инструменты в явном дефиците. Антиамериканизм доступен массам и близок им, он - прекрасный громоотвод народного недовольства коррумпированной властью. Пока что опирающаяся на него стратегия удержания власти российской политической элитой обнаруживает достаточную эффективность. Насколько она окажется надежней и прочнее стратегии удерживания власти, использовавшейся советской элитой, покажет время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богатуров А.* Три поколения внешнеполитических доктрин России // *Международные процессы.* 2007. N 1.
- Власов Ю.* Дьяволы восходят к власти // *Правда.* 6 августа 1993.
- Зиновьев А. А.* Гибель "Империи зла" (Очерк российской трагедии) // *СОЦИС.* 1995. N 1.
- Зорькин В.* Стандарт справедливости // *Российская газета.* 8 июня 2007.
- Клямкин И., Кутковец Т.* Кремлевская школа политологии. Как нас учат любить Родину. М., 2006.
- Курилла И. И.* Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830 - 1850-е гг. Волгоград, 2005.
- Куропятник Г. П.* Россия и США. Экономические, культурные и дипломатические связи, 1867 - 1881. М., 1981.
- Никитенко А. С.* Дневники. В 3 т. М., 2005.
- Никонов В.* Стратегия Путина // *Российская газета.* 22 декабря 2004.
- Печатное В.* "Любовь-горечь" к Америке // *Международные процессы.* 2006. N 1.
- Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России Владимира Путина // *Российская газета.* 11 мая 2006.
- Рузвельт опять союзник // *Российская газета.* 9 февраля 2007.
- Согрин В. В.* Политическая история современной России. 1985 - 1994: от Горбачева до Ельцина. М., 1994.
- Согрин В. В.* Политическая история современной России. 1985 - 2001: от Горбачева до Путина. М., 2001.
- Согрин В. В.* Три ключевые проблемы в исследовании Нового курса Ф. Д. Рузвельта // *Новая и новейшая история.* 2007. N 5.
- Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1993. N 6.